

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ ОДНОСТОРОННИХ АКТОВ ГОСУДАРСТВ

Елена Коннова

Определение понятия односторонних актов государств является одним из основных и в то же время наиболее сложных вопросов международного права. Показательна в этом смысле точка зрения относительно «разумности и даже возможности попыток дать определение "одностороннего акта"», которую высказала Комиссия международного права (КМП) ООН, приступая к работе над темой «Односторонние акты государств» [5, с. 88]. Затруднения, связанные с формулированием этого понятия в отечественной доктрине международного права, вызваны, очевидно, недостаточной разработкой данного института в работах советских авторов и в современных исследованиях ученых стран СНГ. Единственной работой, в которой комплексно рассмотрены вопросы, связанные с односторонними актами государств, в настоящее время является монография Р. А. Каламкаряна [9]. В зарубежной литературе односторонним актам государств уделяется значительно больше внимания (специально посвящены вопросам односторонних актов работы В. Д. Дегана [22], Ж. Деосси [23], П. де Вишера [24], Ф. Пфлюгера [30], К. Скубишевского [31], Э. Соя [32], Дж. Вентурини [33] и др.), однако не существует всеобъемлющего, единообразного и точного определения односторонних актов.

Отсутствие четкого определения позволяет включать в понятие «односторонний акт государства» целый ряд различных по своей природе актов. Помимо односторонних актов, относительно которых в международно-правовой литературе существует определенное согласие, — обещание (или «декларация обязательства»), признание, протест и отказ [см. напр., 9, с. 29; 14, с. 76; 25, р. 8; 31, р. 234; 32, р. 43] — к односторонним актам причисляют также нотификацию [см. напр., 10, с. 218; 20, р. 238; 30, р. 220], объявление войны, фактическое ее развязывание, объявление о прекращении войны, капитуляцию, оккупацию, ультиматум, разрыв дипломатических отношений и т. д. [напр., 4, с. 197]. Кроме того, в международно-правовой литературе при рассмотрении односторонних актов упоминаются акты, которые явно относятся к договорной сфере: присоединение к договору, оговорка к нему, его прекращение, выход из договора [напр., 4, с. 197; 30, р. 65], а также декларации государств о признании обязательной юрисдикции Международного Суда ООН [22, р. 209; 26, р. 333–334]. Такой подход затрудняет определение подлежащего применению правового

режима и практически нивелирует значение специфических черт, присущих односторонним актам.

Целью данной статьи является выработка такого определения понятия «односторонний акт государства», которое бы не просто отражало суть этого явления, учитывая все его конститутивные характеристики, но и указывало на некоторые его специфические черты, позволяющие отграничить его от других, сходных по своему внешнему проявлению или по последствиям, явлений.

В связи с этим, в первую очередь, представляется целесообразным определить, является односторонний акт государства юридическим актом в контексте международного права (тем более, что в отношении этого вопроса в литературе высказывались сомнения [17, с. 89]) или же это понятие относится к более широкой категории «юридический факт».

Анализ требований, предъявляемых международно-правовой доктриной к понятию «юридический акт» [17, с. 82–83, 87; 26; 32, р. 22], позволяет выделить следующие его основные признаки: 1) присутствие волеизъявления, 2) порождаемые им правовые последствия и 3) соответствие этих последствий выраженной воле.

Относительно первого из этих признаков отметим, что подавляющее большинство юристов-международников определяет односторонний акт именно как «волеизъявление», «проявление воли» [см. напр., 16, с. 15; 24, р. 461; 25, р. 6; 26, р. 384; 32, р. 33]. Авторы учебника «Международное публичное право» указывают на то, что: «теоретическая наука в целом признает в качестве односторонних актов односторонние *проявления воли* (курсив наш. — Е. К.), не имеющие никакой связи с тем или иным международным договором или обычаем» [10, с. 218]. Элемент волеизъявления присутствует и в Руководящих принципах, применимых к односторонним заявлениям государств, способным привести к возникновению юридических обязательств, принятых КМП (далее — Руководящие принципы), в которых под односторонними актами *stricto sensu* понимаются «официальные заявления, сделанные государством публично и *отражающие волю* (курсив наш. — Е. К.) взять на себя обязательства по международному праву» [6, с. 374].

Таким образом, односторонний акт отвечает первому из трех требований, предъявляемых международно-правовой доктриной к определению

Автор:

Коннова Елена Владимировна — аспирант кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Зыбайло Алла Ивановна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Мелешко Валерий Владимирович — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Академии внутренних дел Республики Беларусь

юридического акта. Однако для того, чтобы волеизъявление превратилось в юридический акт, необходимо наличие второго элемента — способности этого волеизъявления порождать права или обязательства [9, с. 16]. Французский юрист-международник Ж. Деосси полагает, что этот материальный критерий сам по себе позволяет определить юридический акт [23, р. 57]. Причем международно-правовые последствия в виде прав и обязательств должны являться *непосредственным результатом этого волеизъявления*. Именно оно определяет содержание и характер таких последствий в соответствии с международным правом. Как отмечает другой французский ученый Ж. Жаке, когда в результате волеизъявления возникают лишь юридические последствия, определяемые заранее, оно является юридическим фактом [26, р. 226].

Именно способность односторонних актов государств самостоятельно вызывать правовые последствия и ставится под сомнение российским юристом-международником С. В. Черниченко. Международно-правовой акт, по его мнению, имеет особенность: он всегда представляет собой совместное волеизъявление не менее двух участников межгосударственных отношений. Одностороннее же волеизъявление качествами международно-правового акта не обладает, так как не выражает согласия участников международного общения. Поэтому такое волеизъявление выступает в межгосударственных отношениях как обычный юридический факт и влечет правовые последствия «лишь потому, что это предусмотрено соглашением между участниками межгосударственных отношений, отраженном в договорных или обычных международно-правовых нормах» [17, с. 89].

Полагаем, что само понятие самостоятельности международно-правовых последствий, вызываемых любыми юридическими актами, довольно относительно. О том, что юридические последствия порождает не само волеизъявление, а скорее уже существующая норма правопорядка, говорят ряд авторитетных юристов-международников: Д. Анцилотти (Италия) [1, с. 296], Р. А. Каламкарян (Россия) [9, с. 17], Ф. Кайе (Швейцария) [20, р. 238], К. Гудмэн (Австралия) [25, р. 10], Ф. Пфлюгер (Швейцария) [30, р. 29], Э. Сой (Бельгия) [32, р. 22] и др. Очевидно, речь идет о тех нормах международного права, которые касаются действительности юридических актов. Так, Д. Анцилотти указывает, что в качестве условий, «требуемых для существования — или соответственно для действительности — этой категории юридических фактов, которые обычно отличают от других и называют юридическими актами», общая теория права рассматривает четыре признака: «правоспособный субъект, соответствующий объект, действительно существующая и неопороченная воля и необходимая форма» [1, с. 297]. Как отмечает К. Гудмэн, при соблюдении этих условий юридический факт может считаться международно-правовым актом, влекущим юридические последствия [25, р. 10].

Представляется, что ничто не препятствует тому, чтобы односторонний акт государства отвечал указанным требованиям, и международное право придавало ему наравне с другими юридическими актами правовые последствия. В то же время,

делая вывод о неправомерности отнесения односторонних актов государств к международно-правовым актам, С. В. Черниченко, по всей видимости, подвергает сомнению другой аспект самостоятельности порождения международно-правовых последствий односторонними актами, а именно: способность одностороннего волеизъявления вызывать такие последствия независимо от проявлений воли других государств.

Необходимо отметить, что в советской доктрине международного права этот вопрос вызывал особенно скептическое отношение. Некоторыми учеными в принципе не допускалась возможность возникновения юридических последствий в результате принятия государством одностороннего акта (напр., Г. П. Жуков [8], В. А. Соколов [15, с. 115—119]), а некоторыми, если и допускалась, то лишь при условии, что такой акт был явно или молчаливо воспринят другими субъектами международного права, которые таким образом принимали участие в создании этих последствий (напр., В. М. Шуршалов [19, с. 119]).

Между тем, способность односторонних актов порождать международно-правовые последствия независимо от проявлений воли других государств признается некоторыми российскими и большинством западных авторов [см. напр.: 9, с. 27—28; 14, с. 75—76; 22, р. 171; 25, р. 7; 32, р. 33]. Так, например, российский юрист И. В. Рачков пишет о том, что односторонние акты являются основанием возникновения обязательств по международному праву, при этом действительность одностороннего акта не зависит от согласия других государств [14, с. 75—76]. Э. Сой отмечает, что в случае односторонних актов правовые последствия придаются одностороннему волеизъявлению «непосредственным образом, а не потенциально, т. е. в результате вмешательства проявления воли другого государства» [32, р. 33]. Хорватский ученый В. Д. Деган также указывает на то, что односторонний акт не зависит от согласия или признания других государств и порождает последствия по международному праву «сам по себе» [22, р. 171].

Вывод о том, что односторонний акт способен независимо от других проявлений воли вызывать последствия по международному праву, подтверждается и в ряде документов ООН. Так, в своих докладах по вопросу об односторонних актах государств Специальный докладчик КМП В. Р. Седенью исходит из того, что государство может брать на себя международные обязательства, при этом нет никакой необходимости в том, чтобы третье государство признало их или предприняло какие-либо действия, могущие означать их признание [12, с. 33, см. также 16, с. 13]. В Шестом комитете Генеральной Ассамблеи ООН также отмечалось, что «для получения определения одностороннего акт должен иметь автономные правовые последствия», под которыми понимаются «правовые последствия, не зависящие от любого проявления воли со стороны другого субъекта международного права» [7, с. 32—33].

О том, что односторонние акты государств способны сами по себе вести к возникновению международно-правовых последствий, говорится в решениях Международного суда ООН по делу о

ядерных испытаниях (Австралия против Франции, Новая Зеландия против Франции, 1974 г.). Как указал Суд: «Никаких действий, являющихся по своей природе действиями *quid pro quo*, ни какого-либо последующего принятия декларации, ни даже какого-либо ответа или реакции других государств не требуются для того, чтобы такая (односторонняя. — *Е. К.*) декларация возымела силу, поскольку такое требование было бы несовместимо со строго односторонним характером такого юридическо-го акта...» [28, р. 267, para. 43; 29, р. 472, para. 46].

В связи с этим полагаем, что односторонний акт государства отвечает и второму признаку юридического акта по международному праву. Наконец, третьим условием наличия такого акта является соответствие международно-правовых последствий проявленной воле [20, р. 239; 26, р. 193; 32, р. 22]. Так, Ж.-П. Жак указывает на то, что в случае юридического акта именно заявленной волей определяется значимость созданной нормы, тогда как юридический факт вызывает механическое применение существующей нормы [26, р. 193]. Э. Соф подчеркивает, что если отсутствует соответствие между волеизъявлением и юридическими последствиями, то это изъявление воли является не юридическим актом, а юридическим фактом [32, р. 22].

В доктрине международного права обращается внимание на прямую связь международно-правовых последствий односторонних актов государств с проявленной в акте волей. Так, например, итальянский ученый Дж. Вентурини, рассматривая основания юридической действительности такого одностороннего акта как обещание, отмечает, что проблема правовых последствий в данном случае — это проблема «правовых обязательств, соответствующих волево му содержанию обещания» (курсив наш. — *Е. К.*) [33, р. 402]. Э. Соф, делая выводы о специфике односторонних актов, также в качестве одной из их черт называет «последствия, полностью соответствующие проявленной воле» [32, р. 33]. На «соответствие проявленной воли и правовых последствий» односторонних актов указывает и Ф. Кафе [20, р. 239].

О том, что правовые последствия односторонних актов государств должны соответствовать проявленной воле, свидетельствует и решение Международного суда по делу о ядерных испытаниях, в котором Суд заявил, что «Франция взяла на себя обязательство, точное содержание и пределы которого должны пониматься в соответствии с действительными формулировками, в которых они были публично выражены» [28, р. 270, para. 51].

Таким образом, полагаем, что односторонние акты государств обладают всеми качествами международно-правового акта, что следует учитывать при определении понятия этого явления. Такой подход исключает из понятия «односторонний акт» односторонние действия, которые выступают в международном праве в качестве обычных юридических фактов, поскольку либо не являются проявлением воли, либо не способны самостоятельно вызывать последствия по международному праву, либо не влекут правовых последствий, соответствующих проявленной воле, а лишь вызывают правовой режим, уже установленный международным правом (например, акты, имеющие отношение к

договорной сфере, разрыв дипломатических отношений, оккупация, объявление или фактическое развязывание войны, капитуляция, ультиматум и др.).

Необходимо учитывать, что односторонний акт государства — особый международно-правовой акт. Ввиду отсутствия четкой регламентации таких актов, а также с учетом сложностей, которые возникают при разграничении политических и юридических односторонних актов, особое значение при определении юридической действительности одностороннего акта имеет намерение государства принять на себя правовое обязательство.

В первом докладе по теме «Односторонние акты государств» Специальный докладчик КМП В. Р. Седень отмечал, что «правовые акты... продиктованы четким и однозначным намерением породить определенные правовые последствия» [12, с. 14]. Р. А. Каламкьян утверждает, что «наличие у государства намерения принять на себя... обязательство является основополагающим условием создания одностороннего обязательства. Значимость этого условия признается всеми юристами» [9, с. 72].

Решающее значение намерения государства принять на себя международное обязательство подчеркивалось государствами в ответах на вопросник КМП по односторонним актам и в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи ООН. Так, например, правительство Израиля в своих ответах на вопросник указало: «процесс определения одностороннего акта как акта, который порождает правовые последствия, по сути является деятельностью по толкованию намерения государства, которое совершает односторонний акт» [11, с. 32]. При обсуждении Руководящих принципов в отношении односторонних актов государств в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи представитель делегации Соединенного Королевства г-жа Уильямс, не делая каких-либо замечаний по существу принципов, указала «лишь, что в этом контексте главную роль играет намерение государства» [18, с. 18].

Следует отметить, что значение намерения подчеркивается и в решениях Международного суда ООН. В решениях по делу о ядерных испытаниях Суд указал: «Когда намерение государства, делающего подобное заявление, состоит в том, чтобы быть юридически связанным его условиями, это намерение придает заявлению характер юридического обязательства» [28, р. 267, para. 43; 29, р. 472, para. 46]. Рассмотрев дело, касающееся спора о границе между Буркина-Фасо и Республикой Мали (1986 г.), Суд заявил в этой связи, что «все... зависит от намерения соответствующего государства» [21, р. 573, para. 39]. В решении по делу о военных и полувоенных действиях в Никарагуа и против нее (1986 г.) Суд определил, что он не нашел «ничего в этих документах, из чего можно было бы сделать вывод о наличии намерения взять на себя юридическое обязательство» [27, р. 132, para. 261].

Кроме того, важное значение при определении одностороннего юридического акта имеет его публичный характер. В Руководящих принципах КМП подчеркивается, что они касаются заявлений, сделанных публично. По мнению Комиссии, публичность «представляет собой важный элемент, подтверждающий волеизъявление автора взять на

себя определенные обязательства» [6, с. 376]. Действительно, как справедливо отмечает Р. А. Каламкарян, «требование публичности носит неотъемлемый характер, так как если государство сохраняет в тайне принятое им одностороннее обязательство, оно может в принципе легко его изменить или же впоследствии от него отказаться» [9, с. 185].

В то же время употребление термина «публичность» в этом контексте требует пояснения. Известный польский юрист-международник К. Скубишевски указывает, что односторонние акты, сформулированные публично, дают право требовать их соблюдения всем заинтересованным государствам, в то время как акты, доведенные до сведения определенных государств, порождают обязательства лишь в отношении этих государств [31, р. 245]. Таким образом, публичность является необходимым элементом одностороннего юридического акта *erga omnes* [13, с. 18]. Что же касается акта, адресованного ограниченному количеству субъектов международного права, то здесь достаточно доведения его до сведения адресатов. Это признает и Комиссия, которая в комментарии к принципу 1 уточняет, что такое требование не относится к актам, касающимся двусторонних отношений между государствами [6, с. 376].

В связи с этим считаем необходимым включение элемента публичности в определение одностороннего акта, однако трактовать его следует применительно к государству, которому адресован акт. Более удачным, чем итоговый («заявления, сделанные государством публично и отражающие волю...» [6, с. 374]), представляется в этом смысле первый вариант определения одностороннего акта, предложенный во втором докладе Специального докладчика, в котором за словами «...волеизъявление, сформулированное публично» следуют слова «в отношении другого государства или государств, международного сообщества в целом или международной организации» [3, с. 10], что указывает на направленный характер как самого акта, так и требования публичности.

Еще одной особенностью одностороннего юридического акта является его относительный характер, который заключается в том, что посредством такого акта государство «может создать новые обязательства только применительно к себе, а никак не для третьих государств» [9, с. 38]. Эта особенность отражена в принципе 9 Руководящих принципов, согласно которому «одностороннее заявление какого-либо государства не может порождать никаких обязательств для других государств» [6, с. 374].

Основополагающие принципы международного права, и в первую очередь принцип суверенного равенства, не допускают возможности наложения одним государством каких-либо обязательств на другое государство без его на то согласия. Это относится в равной степени как к договорным актам, так и к односторонним. В отношении же предоставления прав третьим сторонам проявляется различие между конвенционными и односторонними актами. Специальный докладчик КМП В. Р. Седенью отмечает, что «международное право... не оставляет сомнений в том, что в принципе договор не может наделить правами государства, которые не являются его участниками» [13, с. 16].

Для того чтобы это произошло, необходимо согласие государств на получение прав в соответствии с этим договором (ст. 34 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.) [2, с. 354].

В отношении же одностороннего акта, как уже отмечалось, не требуется какого-либо выражения согласия государств для того, чтобы он возымел действие, что подтверждается, в частности, в решениях Международного суда по делу о ядерных испытаниях. Разумеется, вопрос о пользовании предоставленными правами остается на усмотрении государства, которое может посредством одностороннего акта и отказаться от них, что, однако, не говорит о том, что такие права для него не существовали вообще, поскольку на то не было выражено согласия.

В этой связи австрийский юрист-международник А. Фердросс указывает, что международно-правовые последствия одностороннего акта могут проявляться только в форме обязательств для государства — автора акта и прав для третьих государств [см.: 32, р. 33]. Полагаем, что такое утверждение, хотя и соответствует общему духу концепции односторонних актов государств, но все же является не совсем точным. Разнообразие односторонних актов, встречающихся в практике государств, свидетельствует о том, что международно-правовые последствия односторонних актов могут проявляться и в других формах (например, защита прав и законных интересов государства посредством акта протеста). В то же время абсолютно правы те ученые, которые обращают внимание на невозможность порождения односторонним актом государства обязательств для третьих государств как на обязательный признак одностороннего акта (напр., Р. А. Каламкарян [9, с. 29], Э. Соф [32, р. 33]).

Прежде чем перейти к формулированию определения односторонних актов, исходя из вышеизложенных доводов, необходимо также рассмотреть формальный признак одностороннего акта, односторонний акт как «волеизъявление, единственное в своем роде» [12, с. 31].

Проблема заключается в том, что во многих определениях одностороннего акта, которые предлагаются в доктрине международного права, содержится формулировки, указывающие на то, что такой акт приписывается одному субъекту международного права. Так, П. де Вишер определяет односторонний акт как «акт волеизъявления, исходящий от одного субъекта международного права, направленный на создание собственных юридических последствий и способный порождать такие последствия в силу общего международного права» [24, р. 461]. Э. Соф отмечает, что «первым необходимым элементом, по которому существует общее согласие» в доктрине международного права, является «наличие единственного проявления воли, то есть проявления воли, исходящего от одного субъекта международного права» [32, р. 28]. «Факт наличия волеизъявления одного субъекта права» в качестве одного из отличительных признаков одностороннего акта приводит и Р. А. Каламкарян [9, с. 29].

Ж. Деосси, критикуя такой подход, указывает на предпочтительность использования термина «сторона». Смысл слова «односторонний» свидетельствует о том, что «на одной стороне может на-

ходиться несколько субъектов международного права». При этом акт будет являться односторонним, «если две воли в действительности выражают один и тот же интерес» [23, р. 51–52]. К. Гудмэн в связи с этим отмечает, что «"односторонность" акта характеризуется не количеством его авторов, а их позицией по отношению к создаваемой норме» [25, р. 6]. «Единственное в своем роде волеизъявление», как полагает В. Р. Седеньо, означает в данном случае, что государства, осуществляющие односторонний акт, «оказываются по одну сторону правоотношений» [12, с. 32]. В случае так называемого коллективного одностороннего акта все его авторы окажутся связанными обязательством, предпринятым в пользу адресатов этого акта [25, р. 7].

Таким образом, определив, что односторонний акт государства является международно-правовым актом, что предполагает наличие волеизъявления, способного самостоятельно породить последствия

по международному праву, соответствующие проявленной воле, и выявив его особенности — особую значимость намерения взять на себя юридическое обязательство, роль публичности одностороннего акта, его относительный характер, а также рассмотрев значение формального признака одностороннего акта, полагаем, что наилучшим образом рассматриваемое явление отражает следующее определение.

Односторонний акт государства — это одностороннее проявление воли, сформулированное публично в отношении его адресатов, выражающее намерение вызвать последствия по международному праву и способное независимо от вмешательства воли других государств породить, согласно проявленной воле, такие последствия, которые, будучи способны предоставлять права, не могут выступать в форме обязательств для третьих государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анцилотти, Д. Курс международного права. М.: Изд-во иностр. лит., 1961.
2. Венская конвенция о праве международных договоров // Действующее международное право: в 3 т. / сост.: Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. М.: Изд-во Моск. независ. ин-та междунар. права, 1999. Т. 1. С. 343–372.
3. Второй доклад об односторонних актах государств, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Виктором Родригес Седеньо: док. ООН А/СН.4/500. Женева: ООН, 1999.
4. Додонов, В. Н. Международное право: словарь-справочник / В. Н. Додонов, В. П. Панов, О. Г. Румянцев; под общ. ред. В. Н. Трофимова. М.: ИНФРА-М, 1997.
5. Доклад Комиссии международного права о работе ее пятидесятой сессии: док. ООН А/53/10. Нью-Йорк: ООН, 1998.
6. Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят восьмой сессии: док. ООН А/61/10. Нью-Йорк: ООН, 2006.
7. Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят первой сессии. Тематическое резюме обсуждений, состоявшихся в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи на ее пятьдесят четвертой сессии, подготовленное секретариатом: док. ООН А/СН.4/504. Женева: ООН, 2000.
8. Жуков, Г. П. Критика естественно-правовых теорий международного права. М.: Госюриздат, 1961.
9. Каламкарян, Р. А. Международно-правовое значение односторонних актов государств в международном праве. М.: Наука, 1984.
10. Нгуен Куок Динь. Международное публичное право: в 2 т. Т. 1. Кн. 1: Формирование международного права / Нгуен Куок Динь, П. Дайе, А. Пелле. Киев: Сфера, 2000.
11. Односторонние акты государств. Ответы правительств на вопросник: докл. Генерального секретаря: док. ООН А/СН.4/511. Женева: ООН, 2000.
12. Первый доклад об односторонних актах государств, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Виктором Родригес Седеньо: док. ООН А/СН.4/486. Женева; Нью-Йорк: ООН, 1998.
13. Пятый доклад об односторонних актах государств, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Виктором Родригес Седеньо: док. ООН А/СН.4/525. Женева: ООН, 2002.
14. Рачков, И. В. Односторонние акты государств: некоторые правовые вопросы // Государство и право. 2001. № 8. С. 75–88.
15. Соколов, В. А. Теоретические вопросы межгосударственных отношений. Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1988.
16. Третий доклад об односторонних актах государств, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Виктором Родригес Седеньо: док. ООН А/СН.4/505. Женева, 2000.
17. Черниченко, С. В. Теория международного права: в 2 т. Т. 1: Современные теоретические проблемы. М.: НИМП, 1999.
18. Шестой комитет: краткий отчет о 16-м заседании: док. ООН А/С.6/61/SR.16. Нью-Йорк: ООН, 2007.
19. Шуршалов, В. М. Международные правоотношения. М.: Междунар. отношения, 1971.
20. Cahier, Ph. Le comportement des États comme source de droits et d'obligations // Recueil d'études de droit international en hommage à Paul Guggenheim. Genève: Imprimerie de la Tribune de Geneve, 1968. P. 237–266.
21. Case concerning the Frontier Dispute (Burkina Faso v. Republic of Mali), Judgement of 22 December 1986 [Electronic resource] // International Court of Justice. Mode of access: <<http://www.icj-cij.org/doCKET/files/69/6447.pdf>>. Date of access: 12.02.2007.
22. Degan, V. D. Unilateral Act as a Source of Particular International Law // Finnish Yearbook of International Law. Helsinki: Ius Gentium Association, 1994. P. 149–266.
23. Dehaussy, J. Les actes juridiques unilatéraux en droit international. A propos d'une théorie restrictive // Journal du droit international. 1965. V. 92. N 1. P. 41–66.
24. De Visscher, P. Rémarques sur l'évolution de la jurisprudence de la Cour Internationale de Justice relative au fondement obligatoire des certains actes unilatéraux // Études en l'honneur du Juge Manfred Lachs; J. Makarczyk (ed.). The Hague; Boston; Lancaster: M. Nijhoff, 1984. P. 459–465.
25. Goodman, C. Acta Sunt Servanda? A regime for the unilateral Acts of States at International Law: paper, presented at the 2005 ANZIL Conference [Electronic resource]. Mode of access: <<http://law.anu.edu.au/cipl/Conferences&SawerLecture/05%20ANZIL%20Papers/Goodman.pdf>>. Date of access: 15.04.2006.
26. Jacque, J.-P. Éléments pour une théorie de l'acte juridique en droit international public. Paris: Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1972.
27. Military and paramilitary activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), Merits, Judgement of 27 June 1986 [Electronic resource] // International Court of Justice. Mode of access: <<http://www.icj-cij.org/doCKET/files/70/6503.pdf>>. Date of access: 21.03.2007.
28. Nuclear tests case (Australia v. France), Judgement of 20 December 1974 [Electronic resource] // International Court of Justice. Mode of access: <www.icj-cij.org/doCKET/files/58/6093.pdf>. Date of access: 20.02.2007.
29. Nuclear tests case (New Zealand v. France), Judgement of 20 December 1974 [Electronic resource] // International Court of Justice. Mode of access: <<http://www.icj-cij.org/doCKET/files/59/6159.pdf>>. Date of access: 20.02.2007.
30. Pflueger, F. Die einseitigen Rechtsgeschäfte im Voelkerrecht. Zurich: Schulthes & Co, 1936.
31. Skubiszewski, K. Les Actes Unilatéraux Des États // Droit international: Bilan et perspectives; M. Bedjaoui (ed.). Paris: UNESCO; Dordrecht; Boston; London: M. Nijhoff, 1991. P. 231–251.
32. Suy, E. Les actes juridiques unilatéraux en droit international public: Thèse présentée à l'Université de Genève ... docteur es sciences politiques. Paris: Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1962.
33. Venturini, G. La Portée et les Effets Juridiques des Attitudes et des Actes Unilatéraux des États // Recueil des Cours de l'Académie de Droit International. 1964. V. 112. N 2. P. 367–461.

«К вопросу об определении понятия односторонних актов государств» (Елена Коннова)

Статья посвящена вопросу определения понятия одностороннего акта государства — вопросу, который не получил однозначной трактовки в доктрине международного права. Для разработки определения одностороннего акта, прежде всего, необходимо выяснить, является ли он юридическим актом, поскольку в этой связи в литературе высказывались сомнения. Анализ требований, предъявляемых международно-правовой доктриной к понятию «международно-правовой акт», позволяет сделать вывод о том, что односторонний акт государства отвечает всем этим требованиям. Следовательно, при определении понятия одностороннего акта необходимо учитывать такие его конститутивные элементы, присущие всем международно-правовым актам, как наличие волеизъявления, его способность вызвать самостоятельные юридические последствия и соответствие таких последствий выраженной воле. Кроме того, понятие одностороннего акта должно отражать некоторые отличительные черты, такие как решающее значение намерения вызвать международно-правовые последствия, публичность одностороннего акта, его относительный характер. При определении понятия одностороннего акта, необходимо иметь в виду, что значение слова «односторонний» заключается в том, что волеизъявление должно исходить от одной стороны, в качестве которой могут выступать и несколько государств. В связи с этим неприемлемой представляется формулировка «волеизъявление, исходящее от одного субъекта международного права». В статье предлагается определение, учитывающее все указанные положения и позволяющее, по мнению автора, наилучшим образом отразить понятие одностороннего акта государства.

«Towards the Problem of the Definition of Unilateral Acts of a State» (Elena Konnova)

The article is devoted to the problem of definition of a unilateral act of a state — the issue that has not received an unambiguous answer in the doctrine of international law. For the purpose of elaborating the definition of a unilateral act, it is necessary to ascertain whether it can be considered as a legal act, taking into account that doubts were cast regarding this. The international legal doctrine makes some requirements of the notion of an «international legal act». The analysis of these requirements allows to conclude that a unilateral act of a state meets all of them. Hence, on defining the notion of a unilateral act, account must be taken of such vital elements as the presence of the expression of the will, its capacity to produce its own legal consequences and the conformity of such consequences with the expressed will. These elements are inherent to all international legal acts. The definition of a unilateral act ought to reflect some of its peculiarities, such as the decisive role of the intent to trigger off international legal consequences, publicity of the unilateral act and its relative nature. On defining the notion of a unilateral act it is also necessary to take into account the meaning of the term «unilateral». The expression of the will is to emanate from one party, which may be represented by several states. For this reason the wording «the will, emanating from one subject of international law» seems unacceptable. The article suggests a definition which covers all the requirements mentioned above. It is the author's contention that it could best sum up the concept of a unilateral act of a state.